

Петр БОРОДКИН

ГОРОД НА ЗАРЕ

Летом 1771 года член Российской императорской Академии наук и многих других заграничных академий Петр Симон Паллас, совершая путешествие по Сибири, побывал на Барнаульском заводе. Высокообразованного гостя самолично «опекал» главный командир канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, управляющий царскими рудниками и заводами Алтая, фон Ирман, знакомил с достопримечательностями города, давал пояснения:

— Барнаульский завод начат Акинфием Демидовым летом 1730 года. Его крепостные людишки, выходцы из Олонецкого края, тогда начали рубить дома на правом берегу речки Барнаул. В память о родных местах первую улицу они называли Олонецкой...

Паллас внимательно слушал, задумчиво кивал, представляя себе пустынный берег реки Барнаул, русских крепостных мужиков, возводивших первые дома. Прошло сорок лет, и мужиков тех, наверное, уже нет в живых.

— Да, мужикам было нелегко, — сказал Паллас. — Пришли на голое место.

— Нет, уважаемый Петр Симонович, рядом в устье речки Барнаул находилась маленькая деревушка Усть-Барнаульская, — заметил Ирман. — Ныне ее поглотил Барнаульский посад.

Фон Ирман рассказал о том, как до русской царицы Анны Иоанновны дошли слухи о тайной выплавке Демидовым из алтайских руд золота и серебра, что являлось исключительной монополией членов царской фамилии.

Колывано-Воскресенские рудники и завод в 1734 году отошли в казну под начало

Томского горного правления. Четыре года Демидов потратил на то, чтобы вернуть утраченную собственность. Использовал давние приятельские связи, а где надо — и подкупом действовал.

— В 1739 году, — продолжил фон Ирман, — Демидов начал строительство Барнаульского медеплавильного завода. В 1742 году была возведена плотина на реке Барнаул, которая существует и поныне. В 1744 году построен завод. Но благоденствие Демидова на Алтае продолжалось недолго. На этот раз слух о запретной выплавке драгоценных металлов донес служивший у Демидова на Алтае штейгер Филипп Трегер, не то венгр, не то немец. Он взял образцы змеиногорских руд с самородным серебром и золотом и тайно ускакал в Петербург. Императрица Елизавета Петровна выдала Трегеру вознаграждение 200 рублей.

Почти два года продолжалось тайное преследование Демидова на Алтае. Елизавета I послала на Колывано-Воскресенские заводы и рудники комиссию специалистов горного дела во главе с бывшим начальником Тульских оружейных заводов бригадиром Безром. Ехала комиссия на далекий Алтай с невинным предписанием посмотреть на «устройство и действие тех заводов»; на самом же деле имела задание проверить правдоподобность доноса. Бригадир Безр вел себя на заводе, как полновластный хозяин. Он вмешивался в заводские дела, отменял или назначал плавки, распоряжался людьми. Демидовский приказчик Сидоров терялся в догадках о причинах такого поведения. Но вскоре все стало ясным. Безр, при котором находился и

доносчик, выехал на Змееву гору. Комиссия знатоков горного дела принялась откалывать куски крепкой породы — роговика в древней шахте, которую в прошлом разрабатывали «чудаки», члены неведомого племени чуди.

Но сколько ни всматривались члены комиссии в изломы камня, они не находили ни серебряных, ни золотых жил. Безр нервничал, угрожал Трегеру плетью и каторгой. Последнего выручил русский штейгер Федор Лелеснов. Он взял кусок рогового камня, который только что держали в руках члены комиссии, и начал молотком дробить на мелкие куски, пока из желто-охренных гнезд не посыпались «зерна» самородного золота и серебра.

Безр оживился и похвалил русского штейгера.

— Истинно ты открыл эти руды и достоин награды!

Комиссия, как позже писал в рапорте Лелеснов, не знала «свойства оной руды» и искала в ней золотые или серебряные жилы, но не гнезда. Безр, желая скрыть конфуз комиссии, назвал шахту «Комисской». Комиссия за короткий срок добыла из змеевских руд 44 пуда серебра, свыше 10 фунтов золота. Быстро домчали резвые тройки комиссию в Петербург.

Вскоре определилась судьба демидовских горнорудных предприятий на Алтае. В августе 1745 года умер Акинфий Демидов, самая яркая звезда на фамильном небосводе Демидовых. Елизавете I не стоило больших трудов взять в собственные руки имущество Демидова. Она издала указ 1 мая 1747 года, по которому все рудники и заводы действительного статского советника Акинфия Демидова между реками Обью и Иртышом со всеми людьми, принадлежащими к ним, «взять на нас по оценке».

Вот с таким указом Безр вновь приехал на Алтай, но уже главным командиром Колывано-Воскресенских рудников и заводов. Был произведен императрицей в чин генерал-майора. Для управления новой — императорской — вотчиной при главном командире создавалась канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. Генерал Безр своей резиденцией избрал Барнаульский завод. Тому в известной степени содействовало благоприятное географическое положение Барнаульского завода. Безр это хорошо понимал.

Однако Паллас не о Безре думал, не о нем и заговорил:

— Благодарение богу, что Демидов

устремился на Алтай — он приумножил тем самым богатство и благоденствие императорского двора.

Энергичная натура Демидова импонировала ему. «Эпоха императора Петра I вызвала к жизни новые, наиболее деятельные слои русского общества. Пример сына тульского кузнеца Акинфия Демидова — прямое подтверждение тому. Каков размах у него предпринимательной деятельности! От Олонца до Урала, а оттуда — на Алтай!».

Несколько позже Паллас записал в свой путевой дневник о полном благополучии Барнаульского сереброплавильного завода: «...самое место весьма близко при протоке оная (Барнаул) в Обь». Заводская плотина в длину 232, в ширину 30 сажень. Образовавшийся пруд между песчаными буграми Барнаульского бора очень обширен, из которого продолжает свое течение речка Барнаул.

«Оная столь изобильна водой, что построенные заводы не только достаточно заполняются водой на целый год, но также еще многие другие могут быть оною снабжены».

Паллас спросил Ирмана:

— Господин генерал, сколько плавильных печей первоначально было на Барнаульском заводе?

— Шесть, Петр Симонович.

Во время пребывания на заводе Паллас нашел здесь 18 плавильных печей под тремя трубами, из них каждые шесть печей соединены вверх идущим сводом и каждые три печи одним водоналивным колесом для приведения в действие воздуходушных мехов. Все это находилось в заводском дворе на правом берегу Барнаула и называлось отдельным заводом. Другой завод состоял из двенадцати плавильных печей, трех регольных печей, в которых производилась очистка серебра, два горна, промывальная с шестью пестами и другие постройки.

Между обоими заводами находилась пильная мельница (лесопилка), построенная на голландский манер с двумя рамами, обслуживаемыми одним водоналивным колесом, мучная и крупяная мельница, на которой с помощью одного вала действовали два постава и четыре толчеи, одна шлифовальная, промывальная с четырьмя небольшими ларями и толчея, в которой толкли известковый камень для рудных плавок. В стороне от плотины располагался большой пробирный дом с печами и соответствующим инструментом.

Кузница, в которой делали большие

горные орудия, располагалась рядом со слесарной. В меховой избе вымывали и сушили пепел, из щелока добывали поташ для стекольной фабрики.

— А правда ли, — поинтересовался Паллас, — что при прежних горнах арсеникальные удушливые пары были настолько велики, что поражали кожу людей и чешотка считалась самой обыкновенной болезнью барнаульских жителей?

Фон Ирман слегка смешался, помедлил:

— Да, было такое. Но бедствие это устранено. Недавно управляющий заводом обер-бергмейстер Ган построил новые обжигальные печи и теперь вредные пары почти исключены. Обжигание в таких печах проходит быстро, а дров расходуется не больше, чем в обыкновенных очагах.

— Да это же, господин генерал, чудо, а не изобретение! — воскликнул Паллас. Впоследствии в путевом журнале его появилась запись: «По сему сии печи, кои своему изобретателю приносят честь, заслуживают краткого описания оных...»

Паллас в приложении к путевому журналу дает описание обжигательных печей, их чертежи.

Паллас упоминал находившееся на заводском месте деревянное здание канцелярии, которое должны сломать и построить новое, где будет храниться архив, заводские сокровища. Позади старой канцелярии находилась каменная кладовая под казну и полученное на заводе чистое серебро.

На южном конце заводской плотины, как записал Паллас, располагались амбар, жильё для извозчиков, конюшни, сарай, где хранился деготь, повозки, известь, глина, еще один сарай, где дерево для изготовления мехов сушат. В караульной и другой избе в зимнее время от крестьян принимали уголь. На плотине находилась поветь, где под крышей всякие инструменты хранились. В самом низу заводской территории, по течению реки Барнаул, размещались вновь построенный хлебный и запасной магазины. На северном конце плотины раскинулись самые фешенебельные постройки.

Прежде всего Паллас отмечал, что напротив заводского пруда разместился «прекрасный, недавно построенный дом для главного начальника, а в лежащих ближе к заводскому месту на северной стороне речки Барнаул линиях будут строиться новые дома для служащих при здешних заводах штаб- и обер-офицеров».

Паллас имел в виду горных офицеров,

служивших на заводе и при канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства.

Упоминает он и казенные постройки, характеризующие административную, хозяйственную, культурную жизнь заводского посада: называет здание полиции, земскую избу, торговый двор, госпиталь, в котором работал единственный лекарь. Каменная заводская аптека имела при себе сад, где выращивались целебные травы. Ныне его территорию занимает городской парк. И, наконец, в путевом журнале называются магазины и казармы гарнизонные. Последние находились на правом берегу реки Барнаул, где были также дома мастеровых Барнаульского завода. Эта часть тогда носила название «Мастеровой и солдатской слободы».

Паллас называл две церкви: одна, старая, на правом берегу, и новая — на левом берегу реки Барнаул.

Обе церкви были деревянные. Самая старая — в честь Знамения Захария и Елизаветы (Знаменская), вместо которой в 1853—1856 годах была выстроена каменная (ныне здание краевого архива).

Вторая церковь Петра и Павла находилась на линии улицы Ползунова (на четной стороне) при пересечении с нынешним Социалистическим проспектом. В 1774 году закончено строительство нового кафедрального собора Петра и Павла. Старая деревянная церковь перенесена на вновь открывшееся Нагорное кладбище и получила название «Ивановской» (отсюда название «Ивановский лог»).

Паллас писал, что «ныне начали уже сооружать каменную церковь, коя будет построена на новый вкус и чаятельно месту сему немалую придаст красу».

Паллас находил, что «нынешние заводы (Барнаульский — П. Б.) лежат... со всеми принадлежащими строениями в наилучшем порядке и распоряжении на заводской плотине. Они все построены из дерева и обнесены стеною, которая на главной улице новым с великим вкусом построенным канцелярским строением, в коем находятся главная горного начальства канцелярия и заводская контора, и подле коей построена школа и гауптвахта, пресекалась, и тамо двумя главными въездами снабженная».

Паллас пробыл на Барнаульском заводе всего несколько дней, по его словам, в гостях у «его превосходительства генерал-майора и кавалера фон Ирмана, великого любителя учености». Времени было так мало, что на описание увиденного на Барна-

ульском заводе «большую часть ночи употреблять принужден был».

Заслуживает внимания описанная Палласом Барнаульская стекольная фабрика, построенная в 50-е годы асессором Христиани, исправлявшим фактически за генерал-майора Порошина должность главного командира канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства.

Если смотреть от Барнаульского завода на пруд, то на левой его стороне, чуть выше, размещалось немецкое кладбище, а еще выше — кирпичный завод, в котором было восемь печей. Их производственная мощность 45—50 тысяч кирпича за 3—4 суток. Затем следовала стеклянная фабрика с плавильной печью и четырьмя котлами, в которых варили стекло, двумя приспособлениями и горном, где резали стеклянную посуду. Причем на Барнаульской фабрике делали не только простое, но и хрустальное стекло. Последнее, как замечал Паллас, имело лишь одну погрешность — способность получать царапины на воздухе. Для изготовления хрусталя на три пуда просеянного колыванского кварцевого песка клали два пуда селитры, пять пудов сурику и двенадцать золотников серого камня. Поташу в кварцевую смесь не клали. В свое время барнаульские мастера хрустального дела пользовались широкой популярностью в стране.

Неподалеку от стекольной фабрики на берегу заводского пруда вниманием Палласа овладел летний дворец генерала фон Ирмана. Местность, примыкавшая к нему, весьма живописная, в честь супруги генерала называлась Шарлоттиным лугом. Паллас отмечал завидную трезвость барнаульцев, подчеркивая, что «при всех здешних рудниках и заводах заведено то похвальное смотрение и строгость, чтобы предохранить от столь всеобщего в Сибири порока пьянства, и что никакая явная продажа крепких напитков, кроме, как в праздничные дни, и в некоторых случаях не поворяется».

Вместе с тем Паллас указывал в своих путевых записках, что напротив летнего дворца, на другом берегу пруда, стояла казенная пивоварня, в которой, между прочим, разрешалось варить пиво местным жителям.

Касаясь природных условий будущего города Барнаула, Паллас отмечал исключительную благоприятность их для произрастания различных растений. Так, он, например, писал: «...Место сие, несмотря на то, что ближе лежит к северу, гораздо прият-

нейшим воздухом и жарчайшим летом наслаждается, нежели те страны, кои ближе к югу у горы лежат». В доказательство он приводил пример, что все садовые растения, за исключением некоторых сортов цветной капусты, произрастали здесь. Даже «водяные дыни, или арбузы в открытых садах довольно рано поспевают и нарочитого совершенства достигают». Единственным недостатком места, на котором расположен Барнаульский завод, он отмечал отсутствие хорошей воды. «Не только вода в Барнауле, но и в наибольшей части выкопанных калодезей вкусом весьма горька и всеобщее солоноватое свойство основания земли показывает, которое, конечно, и во всей равнине между Обью, Иртышом и Алтайским поясом везде имеется». Безусловно, окруженный постоянным гостеприимством и опекой «великого любителя учености» генерала Ирмана, Паллас дал подробное фактическое описание Барнаульского завода, природы, но не мог заметить того отрицательного в положении подневольных царских слуг и работников на заводе и во всем Алтае. Паллас в выяснении этого вопроса пользовался источником сугубо официальным и поэтому его высказывание носило поверхностный характер. Известно, что для успешного действия Барнаульского завода, помимо добычи руд, требовалась их транспортировка, заготовка дров и выжиг из них угля, доставка угля на заводы и многое другое. Для выполнения этих работ к Барнаульскому заводу приписывались крестьяне селений, иногда удаленных за сотни верст. Причем выполненные работы оплачивались по «плакатным», установленным и намного ниже вольного найма расценкам.

Крестьянина освобождали от уплаты подушной подати в государственную казну 1 р. 10 коп. в год, за что его обязывали обрабатывать заводскую повинность иногда до 3—4 месяцев в году. Нередко горнозаводское начальство не считалось с хозяйственными нуждами крестьян и заставляло их работать во время весенней и осенней страды, чем наносило громадный ущерб крестьянскому хозяйству.

Заводские отработки являлись в полном смысле бичом для крестьянина и поэтому вполне естественным являлось стремление последнего избавиться от них. В краевом архиве сохранились тысячи дел с рапортами и доношениями приписных крестьян о невыносимости отработок, горнозаводских чинов — о побегам крестьян с отработок и т. д.

Тяжелым бременем ложились на плечи крестьян рекрутские наборы. Из крестьян набирали рекрутов не в солдаты, а в мастеровые плавильных заводов (плавильщики, засыпщики руды, слесари, плотники и т. п.). Мастерские работали на заводах всю жизнь и потому назывались «вечными» работниками. Увольнялись от заводских работ по достижении полной нетрудоспособности, в глубокой старости. Так, бочкарь (бойдарь) Барнаульского завода Аким Мальцев в 1769 году увольнялся от работ в возрасте 77 лет, потому что, по заключению медицинской экспертизы, «стал дряхл, за малосилием часто обращается в болезнь, к тому же безмерно глух».

Паллас, не вникая в суть дела, записал в путевой журнал со слов генерала Ирмана искаженное понятие о содержании и последствиях приписки крестьян к Барнаульскому заводу: «Сим крестьянам становится работа весьма приятною, так что многие из них отправляют самопроизвольно работы сверх своей должности...»

Однако при этом не преминул оговориться, что поскольку «их родины отстоят от заводов довольно далеко, то дается им поденщина на поездку в свои родины, кои ныне по точным картам и описаниям мест под разумным начальством командующего господина генерал-майора фон Ирмана до весьма великого совершенства доведенных, наилучшим образом могут быть исчислены».

Рассуждения Палласа о поденщине явно несостоятельны и не могли оправдать крайне тяжелого положения крестьян.

Поинтересовался Паллас и гениальным изобретением И. И. Ползунова, судьба которого была уже predetermined в те дни. Двор для помянутой машины, или, как его называли барнаульцы, «Ползуново пепелище», находился рядом со стекольной фабрикой.

Машину Ползунова Паллас, как и официальные представители царского кабинета оценивал весьма отрицательно. Прежде всего, он отмечает, что она по «описанию известной английской машины сделана с двумя цилиндрами». Цель постройки машины «пресечь водяное руководство заводскими», чтобы заводы было можно строить не по течению рек, а в любом другом месте. Но далее Паллас явно впадает в ошибку. Он говорит, что неточность цилиндров, попытки делать поршни из кожи, пробки, березовой коры привели к тому, что «машину сию никогда не могли довести до того, чтобы она постоянно ходила, не принимая еще

других препятствий, кои находились при соделании оной».

30 июля 1766 года машина начала работу, обеспечивая дутьем плавку в 3 плавильных печах, сооруженных в 50 саженях от машины. Она продолжала работать шесть недель, пока не появилась течь в водяном котле. Паллас же писал, что «многие случались остановки и починки, чего ради работа сия остановилась». Паллас считал, что при действии машины Ползунова в шлаках оставалось до двух золотников серебра. Большое количество людей, требовавшихся для частого ремонта машины, заставили прекратить ее эксплуатацию. Между тем, машина за все время работы дала около 10 тысяч рублей чистой прибыли и заброшена была по причине появившейся неисправности в котле. Крепостнический строй, бесплатная рабочая сила похоронили гениальное изобретение Ползунова.

Недаром в конце рассуждений о машине Паллас сделал заключение о том, что при необходимости лучше пользоваться «машинами, кои действовали бы посредством лошадей, нежели содержать сию, которая столь дорого стоит».

Машину, которая сделала бы честь любому изобретателю, через несколько лет по приказу местного начальства разломали, частью растащили, частью использовали в горнозаводском производстве.

Паллас во время пребывания на Барнаульском заводе обратил внимание, что улицы назывались линиями. Ирман тотчас не замедлил пояснить.

— Видите ли, такое название должно подчеркнуть строгость порядков, введенных здесь. Дома на улицах выстроились, как по линейке. Отсюда и линии.

Ирман не стал вдаваться в детали.

С 1761 года в Барнаульском заводе и на Алтае вводился военно-крепостнический строй. Военно-судные комиссии рассматривали дела о преступлениях и проступках мастеровых и приписных крестьян. Приговоры по их делам отличались изуверской жестокостью. Палки, плети, шпицрутены ложились на их спины. Гауптвахты не вмещали количество виновных. Наказывали за самую ничтожную мелочь. Так, например, у восьми мастеровых Барнаульского завода в полдень не горели свечи на подоконниках по случаю тезоименитства (дня рождения) Петра III. «Нарушителям» определен штраф 50 копеек с каждого. Почти месячное жалованье мастерового!

Все стороны крепостнического бесправия распространялись на мастеровых и при-

писных крестьян Барнаульского завода, за исключением права купли и продажи личности. Определение детей к профессии, переезд с места на место, переход из одного сословия в другое, женитьба — все решалось местным горнозаводским начальством.

Однако Ирман и слова не сказал о том Палласу. Зато охотно и подробно рассказывал о происхождении названий улиц. Императорскими указами повелевалось поселяться при здешних местах разного звания людям. Приехав сюда, они основывали улицы в память о родных местах: Иркутскую, Тобольские и так далее.

Паллас нашел в Барнаульском заводе около тысячи частных домов, в которых проживали четыре тысячи человек. «Если учесть, что количество жителей в Саратове, примосковных городах меньше или равно тому, что имеется при Барнаульском заводе, то последнему давно надлежит быть городом...» — говорил он генералу в день отъезда, 26 августа 1771 года. Слова Палласа оказались провидческими: в том же году Барнаульский завод был переименован в горный город Барнаул, в честь чего был учрежден герб — скачущая лошадь на фоне плавильной печи.